Затем существо подплывает еще ближе, утыкается носом в грудь Наруто и нежно прижимается. Долгий миг едва слышного дыхания, долгий миг попыток решить, хочет ли он испугаться, или смутиться, или встревожиться, или все вышеперечисленное, а затем странное движение меняется. Странное прижатие резко превращается в дружеское прикосновение, трение шершавого теплого меха о грудину и ласковое похрюкивание.

Наруто резко ощущает себя так, словно только что прошел какое-то испытание.

Нехотя он протягивает руку к шее зверя, поглаживая теплую шкурку, когда тот прижимается к Наруто.

Хотя цвет меха другой и текстура не та, Наруто сразу и до боли напоминает Кураму. Не успевает он смахнуть слезы с глаз, как они ручьями текут по лицу, а тело начинает сотрясаться от усилий сдержать рыдания. Олень отходит, моргая огромными широкими глазами, и некоторое время просто наблюдает за ним. Наруто не отворачивается, ему нет смысла и смысла прятаться.

Харт ударяет передней лапой, и из-под копыта вырывается чакра, ярко-зеленая, как новая весенняя поросль, закручивается вокруг ноги зверя и погружается в землю под ним. Харт встряхивает головой и снова бьет копытом, чакра разгорается все ярче и ярче, земля начинает вибрировать, и тварь срывается с места.

Наруто с недоумением смотрит, как деревья сгибаются и расступаются, освобождая ему дорогу. Он останавливается у подножия оврага и с недоверием наблюдает, как олень продолжает бежать, взбираясь на почти отвесную поверхность с той же легкостью, что и по мягкому склону долины.

Наруто направляет больше чакры, чувствует, как кислотный ожог прогорклой чакры Курамы прожигает его насквозь при отсутствии достаточного количества собственной, чтобы противостоять ей, но, превозмогая боль и изнеможение, все равно карабкается вверх.

Он добирается до вершины с ободранными коленями от скольжения по рыхлому камню. Кровь, стекающая по голеням, слишком темная, чтобы быть здоровой, а грудь словно стала жертвой обвала. Харт ждет его на краю вершины, наблюдая мудрыми зоркими глазами за тем, как он поднимается на ноги.

Он стоит на краю руин, которые, должно быть, когда-то были каким-то храмом. Ветер здесь сильный, налетает с океана со скоростью, достаточной для того, чтобы щипать глаза. Он вскидывает руку, чтобы прикрыть их, и смотрит на разбитые таблички и мозаики, окружающие лестницу, ведущую вверх по склону. Его глаза проходят по всей длине ступеней, расширяясь от их простора по мере того, как они петляют по скалам. Когда он поворачивается, то видит под собой руины Узушио, свернувшиеся в безопасную долину на восточном краю острова.

Луна светит на него, больше не скрытая этими самыми скалами, окрашивая редкую траву и зубчатые камни в серебристо-бледный цвет. Вдали, в конце лестницы, виднеются очертания

еще одного храма, меньшего, чем руины того, в котором он стоит, примостившегося на самой высокой точке узкого утеса, намного выше остального леса.

Олень легонько ударяет его по спине, подталкивая вперед, и обходит его, чтобы укрыть от сильного ветра, налетающего с моря. Наруто переплетает пальцы с темно-серым мехом зверя, чтобы было удобнее и стабильнее, и они идут по ступенькам бок о бок.

Наруто не уверен, куда и зачем ведет его это существо, но инстинкты подсказывают ему, что здесь он в безопасности, что ему нечего бояться. Инстинкты завели его так далеко. Теперь он будет им доверять.

Путь долог и извилист, и к тому времени, как он добирается до его конца, его подталкивают к двум разным видам усталости - той, что говорит ему бросить все и проспать месяц, и той, что говорит ему, что отдых - это последнее, что ему нужно.

Этот храм, в отличие от других, почти совсем не пострадал; единственные признаки износа - эрозия времени. Сам храм - не более чем ворота, темный камень крыши едва ли достаточно широк, чтобы укрыться в ливень. Он тоже старый, гораздо старше других здешних руин, и украшен красивой, хотя и потрепанной гравюрой с изображением массивного дерева, чьи ветви и корни вьются узловатыми узорами.

Его спутник фыркает и отступает назад, снова подталкивая его вперед и подталкивая через ворота к краю извилистого обрыва. Наруто ждет, но олень не идет за ним, похоже, не желая переступать порог вместе с ним. Вместо этого он поджимает под себя ноги и ложится по другую сторону ворот, чтобы дождаться его.

Край утеса торчит, как длинная плоская игла с закругленным острием, весь в бледном камне, не похожем на тот, что устилает площадь.

Внезапно на него нахлынули чужие воспоминания: паломничество, путешествие к обрыву, люди в длинных одеждах, стоящие на коленях в круге, который представляет собой самый центр острова.

Сердечный кран. Слияние мировых чакр. Что-то должно быть здесь, но этого нет. Что-то далеко внизу.

Слова приходят из глубины чужой памяти, старого секрета, ответа, когда он не знает вопроса.

Он выходит на каменную площадку и заглядывает за край.

Далеко под ним раскинулось озеро шириной с деревню, наполненное темной водой, сверкающей под лунным светом, как зеркало. Оно глубокое, настолько глубокое, что Наруто даже не может представить себе дна; словно дыра, пробитая в земле настолько глубоко, что

может оказаться бездонной. Чакра гудит в воздухе, темная, текучая и странно успокаивающая. Она настолько сильна, что Наруто чувствует ее шепот на своей коже и звон в ушах, практически видит, как она пульсирует в воздухе, словно жар от раскаленного тротуара.

Сначала он встает на колени, как это делали монахи в его воспоминаниях, но это кажется неправильным почти сразу же, как он это делает, поэтому он переставляет ноги так, чтобы они были скрещены. Это та же самая поза, которую он использует, когда управляет чакрой или разговаривает с Курамой, когда бодрствует, - поза, используемая для медитации, а не для молитвы. Он положил руки на колени, сдвинул плечи и выровнял сердцебиение.

По мере того как он успокаивается, что-то начинает меняться - почти пустые сосуды чакры Наруто, кажется, реагируют на энергию вокруг него, странным образом притягивая внешнюю энергию. Это странное явление легко нарушить: каждый раз, когда Наруто смещается, ерзает или даже дышит слишком глубоко, процесс останавливается, мгновенно разделяя две энергии, пока Наруто снова не успокоится и все не начнется сначала.

Наруто никогда не думал, что полная неподвижность может быть такой трудной, но желание пошевелиться, напрячь мышцы или вздрогнуть оказалось сильнее, чем он предполагал.

Но с каждой попыткой ему удается продержаться чуть дольше.

Сначала ему не удается продержаться даже целую минуту, но потом он может продержаться две, потом пять, потом двенадцать. После этого он перестает считать секунды и минуты, полностью прекращает измерять время и вместо этого сосредотачивается на притяжении, отталкивании и потоке чакры вокруг себя.

Пустота в его сосудах чакры, кажется, создает некое отрицательное пространство, пространство, которое оказывает своего рода гравитацию на чакру вокруг него, как пустая чашка, опущенная прямо в поток. Но движение, похоже, приводит к тому, что чашка поворачивается боком к течению - вода течет вокруг чашки, а не внутри нее.

Но чем дольше ему удается сохранять неподвижность, тем легче поступает внешняя энергия и тем сильнее он чувствует, как повышается уровень его чакры. В конце концов он чувствует равновесие - нет больше отрицательного пространства, нет больше потока. А когда он открывает глаза и делает глубокий вдох, то чувствует себя сильнее, чем за последние несколько дней.

Теперь он совсем не чувствует усталости.

И хотя рассвет уже начал превращать горизонт из темно-темного в нежно-серый, по ту сторону ворот его все еще поджидает Харт, непоколебимый и терпеливый. Он спускается по ступеням так же, как и поднимается, но на этот раз не пытается укрыть Наруто от резкого ветра. Сейчас

ему не нужна защита.

Спуск становится тише, слышно только цоканье копыт по твердому камню и свист ветра над головой. Наруто поглаживает шею оленя в знак благодарности, но ему больше не нужно держаться, чтобы быть уверенным в своей опоре. В ответ зверь склоняет голову на маленькое плечо Наруто, стараясь не задеть его позолоченными рогами, и так остается до конца похода вниз.

http://tl.rulate.ru/book/100795/3456613